

Левый авангард как господствующая фигура в советской идеологии

Научный руководитель – Петренко Валерия Владимировна

Русанов Вадим Юрьевич

Студент (магистр)

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

E-mail: rusanovadim@gmail.com

Октябрьская революция уникальна не только своим социалистическим характером, но и тем, что она позволила создать новую эстетику. Это вполне логично, поскольку её пролетарский характер предполагал принципиально иную для того времени конфигурацию труда, а значит и социальный порядок, и новую эстетику. Говоря о возможности ненасильственного урегулирования производственных конфликтов, В. Беньямин отмечает, что после «пролетарской забастовки», предполагающей уничтожение государства, рабочие возобновят работу «без государственного принуждения», поскольку забастовка предоставит предприятие им в собственность [1].

Такой же процесс происходил и в искусстве. Оно стремилось стать пролетарским не просто по содержанию, используя рабочие сюжеты, но и по сути: искусство перейдёт на уровень конструирования повседневных практик и повседневности вообще. Здесь, прежде всего вспоминается деятельность К. Малевича в Витебске, когда он вместе со своими последователями весь город сделал авангардным, развесив и разукрасив разные городские объекты супрематистскими фигурами. И этот пример позволяет говорить о том, что левый авангард является уже не просто одним из направлений искусства, но и идеей, неким направлением мысли, который и позволил создать новую революционную эстетику [6]. Отмечу, что такой ракурс позволяет рассматривать левый авангард в качестве некоего актора.

Но всё выше перечисленное не могло стать возможным без одного технико-технологического достижения индустриальной эпохи: возможности копирования. В своём известном эссе об изменении статуса произведения в эпоху репродукции В. Беньямин, в частности, пишет о том, что это достижение стирает грань между автором произведения и его зрителем, поскольку, например, «... еженедельная [кино]хроника даёт каждому шанс превратиться из прохожего в актёра массовки. В определённом случае он может увидеть себя в произведении киноискусства - можно вспомнить «Три песни о Ленине» Вертова...» [2]. А возможным подобное стирание границ стало благодаря исчезновению ауры произведения у зрителей; тиражируемость преподносит произведения искусства массе.

При чём, крайне важным является тот факт, что с исчезновением ауры из произведения уходит «ритуальное основание» и на его место становится другая «практическая деятельность: *политическая*» (курсив наш - В.Р.) [2]. А это означает, что говоря о политико-социальных изменениях в первом постреволюционном десятилетии в России мы не можем обойтись без понятия левый авангард, поскольку оно, на мой взгляд, и было той идеей, предоставившей возможность на практике реализовать коммунистическую повседневность; оно позволяет связать воедино политику и эстетику.

В качестве доказательства нашей гипотезы стоит, прежде всего, обратиться к политической реальности 1920-х годов. Не смотря на то, что Наркомат просвещения рассматривался как о органе, «осуществляющего пролетарскую диктатуру в области культуры» [5], главный упор был сделан на сознательный труд рабочих, который и позволит осуществить эту диктатуру на практике: «... в области литературы гегемонии пролетарских

писателей ещё нет, и партия должна помочь этим писателям *заработать* себе историческое право на эту гегемонию (курсив наш - В.Р.)» [5]. Например, через прессу рабочие могли отвоевать для себя «литературный фронт»: из резолюции «О печати», принятой на XIII съезде РКП(б) (1924 г.) «Рабкоры и селькоры должны рассматриваться как резервы, откуда будут выдвигаться новые рабочие и крестьянские писатели» [5].

В чём ещё проявляется пролетарский характер советской культуры? Литература в 1920-е гг. рассматривалась в качестве «идеологически осознанной литературно-художественной *продукции* (курсив наш - В.Р.)» [5]; переопределение литературы, понимаемой как результат творчества писателя, на продукцию означает понимание всего литературного творчества как индустриального процесса, в котором писатель становится рабочим. Например, Э.С. Кадомцев, глава Госкино, говорил, что «кинопромышленность также важна, как и металлургия»; причём, по аналогии с индустриализацией должна быть «кинофикация» [4].

Именно в таком, пролетарском, ключе понимал сущность своей работы упоминаемый В. Беньямином выше Дзига Вертов. Собственно говоря, пролетарская суть его кинематографа заключается в самом методе, который он создал для создания своих работ - Кино-Глаз. Он неоднократно отмечал, что Кино-Глаз позволяет создавать кино без сценария, без режиссёра, без декораций и без актёров, достаточно лишь «наблюдателей», «операторов» и «монтажёров» [3]. Также, Д. Вертов предлагал по всему СССР создать целую сеть кружков «Кино-Глаз», члены которых, киноки, будут снимать происходящие на местах события и по требованию высылать нужные материалы. Таким образом, режиссёр предлагал не просто сделать кино доступным массам, но сделать так, чтобы кино из чего-то редко доступного стало частью повседневной жизни рабочего. Более того, чтобы каждый рабочий смог участвовать в создании кино-работ.

Таким образом, если сравнить направления политики партии в 1920-е гг. и стремления представителей левого авангарда (я привёл в пример лишь Д. Вертова, но в то же самое историческое время похожим занимался и К. Малевич, и В.В. Маяковский), то можно найти много общего. Более того, думаю, стоит говорить о сотрудничестве левого авангарда и пролетарского государства; тот же Д. Вертов работал в Главполитпросвете, главой которого была Н.К. Крупская. Соответственно, вслед за антропологом А. Юрчаком левый авангард можно называть господствующей фигурой в советском идеологическом дискурсе 1920-х гг. [7] При чём, то, что он - идея предполагает о то, что он - контрреализуем [6], а значит, последующая гегемония И.В. Сталина вполне себе закономерна.

Источники и литература

- 1) Беньямин В. Учение о подобии. Мадиаэстетические произведения. Сб. статей. – М.: РГГУ, 2012. – 288 с.
- 2) Беньямин В. Краткая история фотографии. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. – 168 с.
- 3) Вертов Д. Из наследия. Том второй. Статьи и выступления. – М.: Эйзенштейн-Центр, 2008. – 648 с.
- 4) Кино: организация управления и власть. 1917-1938 гг.: Документы. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – 606 с.
- 5) КПСС о культуре, просвещении и науке: сборник документов. – М.: Политиздат, 1963. – 551 с.
- 6) Чубаров И. М. Коллективная чувственность: Теории и практики левого авангарда. – 2-е изд. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 344 с.
- 7) Юрчак А. В. Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение. – 3-е изд. – М.: Новое литературное обозрение, 2017.